

Нарративные Я-репрезентации социально ориентированных ожиданий лиц с нарушением интеллекта

Кузьмина Т.И.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>, e-mail: ta-1@list.ru*

В статье рассмотрены теоретико-методологические основания и эмпирическая реализация подхода к изучению нарративных Я-репрезентаций в области социально ориентированных ожиданий юных и взрослых лиц с нарушением интеллекта. Социально ориентированные ожидания во многом определяют поведенческие репрезентации субъекта по отношению к внешнему миру и другим людям. Специальные методы изучения социально ориентированных ожиданий взрослых лиц с нарушением интеллекта отсутствуют, в связи с чем может быть предложен подход с использованием контент-анализа нарративных репрезентаций, полученных в рамках изучения социально ориентированных Я-структур личности (Я-социальное). В основу кодировки в данном случае положены два параметра: частота возникновения репрезентативных упоминаний и эмоциональная направленность репрезентативного упоминания социально ориентированных ожиданий. С использованием латентного кодирования, основанного на семантическом анализе единиц речи и репрезентативных упоминаний, становится возможным выделение семантических кластеров, описывающих области жизни, относительно которых у респондентов возникают социально ориентированные ожидания той или иной эмоциональной направленности. Такой подход позволяет преодолеть трудности анализа вербальной продукции лиц с нарушением интеллекта, возникающие в связи с наличием у последних системного недоразвития речи. Высокие значения коэффициента согласованности мнений экспертов, полученные в данном исследовании, свидетельствуют о релевантности предложенного метода для получения достоверных данных. Количественное соотношение нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий между юношеским и взрослым возрастом меняется незначительно, имеет место качественное перераспределение межтематической семантической нагрузки, а также изменение эмоциональной составляющей нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий лиц с нарушением интеллекта легкой степени.

Ключевые слова: легкая умственная отсталость, социально ориентированные ожидания, самосознание, нарративные Я-репрезентации, взрослые, юноши.

Для цитаты: Кузьмина Т.И. Нарративные Я-репрезентации социально ориентированных ожиданий лиц с нарушением интеллекта [Электронный ресурс] // Клиническая

и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 148–180. DOI: 10.17759/
cpse.2021100309

Narrative Self-Representations of Socially Oriented Expectations of Persons with Intellectual Disabilities

Tatyana I. Kuzmina

*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>, e-mail: ta-1@list.ru*

The article examines the theoretical and methodological foundations and empirical implementation of the approach to the study of narrative self-representations in the field of socially oriented expectations of young and adult persons with intellectual disabilities. Socially oriented expectations largely determine the behavioral representations of the subject in relation to the outside world and other people. There are no special methods for studying the socially oriented expectations of adults with intellectual disabilities, in connection with which an approach can be proposed using the content analysis of narrative representations obtained in the framework of the study of socially oriented personality self-structures (social self). In this case, the coding is based on two parameters: the frequency of occurrence of representative references and the emotional orientation of representative references to socially oriented expectations. With the use of latent coding, based on the semantic analysis of speech units and representative references, it becomes possible to distinguish semantic clusters describing areas of life for which respondents have socially oriented expectations of a particular emotional orientation. This approach makes it possible to overcome the difficulties of analyzing the verbal production of persons with intellectual disabilities, arising in connection with the presence of systemic speech underdevelopment in the latter. The high values of the coefficient of agreement of expert opinions obtained in this study indicate the relevance of the proposed method for obtaining reliable data. The quantitative ratio of the narrative representations of socially oriented expectations between adolescence and adulthood changes insignificantly, there is a qualitative redistribution of the inter-thematic semantic load, as well as a change in the emotional component of the narrative representations of socially oriented expectations of persons with mild intellectual disabilities.

Keywords: mild mental retardation, socially oriented expectations, self-awareness, narrative self-representations, adults, adolescents.

For citation: Kuzmina T.I. Narrative Self-Representations of Socially Oriented Expectations of Persons with Intellectual Disabilities. *Klinicheskaja i spetsial'naia psikhologija=Clinical*

Psychology and Special Education, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 148–180. DOI:
10.17759/cpse.2021100309 (In Russ.)

Введение

Легкое снижение интеллектуальных функций, определяемое диагностическим и статистическим пособием по психическим расстройствам ДСМ-5 (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, 5th edition, DSM-5) как нарушение интеллектуального развития и шифруемое кодом F.70 по Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), позволяет его носителю быть достаточно включенным в социум и адаптированным в нем, но качество этой включенности носит зачастую асоциальный характер [9; 19]. Диагностика качественного своеобразия самосознания и способности к самопознанию лиц взрослого и юношеского возраста с нарушением интеллекта расширяет представления о клинко-психологической картине и дизонтогенетических механизмах становления личностной организации при недоразвитии познавательной сферы [5].

Возможность лица с нарушением интеллекта быть полноценным участником диалогического пространства взаимодействий, идущих в русле «двойной открытости», резко ограничена не только нарушением познавательной деятельности, но и спецификой формирования аффективно-волевых компонентов личности в связи с отсутствием полноценного контроля поведения [4; 6].

Социально ориентированные ожидания субъекта — это ожидаемое отношение от социального окружения, базирующееся как на собственных установках и интенциях субъекта, так и на имеющемся у него практическом опыте социальных взаимодействий. Социально ориентированные ожидания и их репрезентации имеют важное значение для формирования у таких лиц поведенческих реализаций, основанных на анализе и обработке информации, приходящей как из окружающей среды, так и от других участников коммуникативного дискурса [4; 6; 8; 11; 16].

Я-репрезентации социально ориентированных ожиданий целесообразно понимать как нарративно оформленный аспект субъективной реальности, связанной с формированием намерений и планов персональной социальной реализации человека в контексте субъективно переживаемых им социальной поддержки и препятствий, наряду с субъективным ощущением успешности/неуспешности будущей реализации потенциального поведенческого намерения в контексте социального окружения.

Социально ориентированные ожидания лиц с легкой умственной отсталостью имеют определенную динамику становления, которая в детском возрасте характеризуется абсолютно некритичным положительным отношением к социальному окружению и сугубо позитивными ожиданиями интенций от окружения в свой адрес, независимо от имеющегося реального опыта общения. В подростковом возрасте ожидания от социума становятся одновременно более противоречивыми, с одной стороны, и фактологически-реалистичными — с другой, и формируются

с учетом имеющегося опыта социальных взаимодействий и его позитивных и негативных сторон. Даже единожды получив негативный опыт социального взаимодействия, подростки с нарушением интеллекта легкой степени могут экстраполировать его на ожидаемое отношение от социального окружения, формируя собственные негативные программы социальных отношений. Ближе к окончанию школьного обучения и началу получения профессионального обучения социально ориентированные ожидания юношей с легкими интеллектуальными нарушениями связаны с позитивно окрашенными репрезентациями ожидаемого отношения от социума. В дальнейшем эти ожидания соотносятся с получением профессии и трудоустройством, созданием семьи и воспитанием детей, возможностью реализовать свои интересы и приобретением социально значимого статуса, материальным достатком, разнообразием жизненных возможностей, что по своей сути повторяет тенденции социально ориентированных ожиданий их нормативно развивающихся сверстников [6].

Имея представление о динамике формирования социально ориентированных ожиданий у лиц с легкой умственной отсталостью можно предположить, что во взрослом возрасте ожидаемое и репрезентируемое субъектом отношение от социума отличается от ожиданий, формирующихся в юношеском возрасте, и во многом определяет поведенческие интенции по отношению к обществу в виду отсутствия внешнего контроля поведения со стороны значимых других (например, педагогов, воспитателей, социальных работников и проч.).

Необходимость изучения социально ориентированных ожиданий лиц с умственной отсталостью взрослого возраста обусловлена, прежде всего, тем, что в специальной психологии отсутствуют исследования психологического содержания социально ориентированных ожиданий лиц с умственной отсталостью данного возраста, ведущих самостоятельную жизнь, а методики и подходы, позволяющие изучать данный феномен с учетом особенностей познавательной деятельности и специфики вербальной коммуникации таких лиц, не разработаны. Более того, если лица с легкой умственной отсталостью юношеского возраста еще могут быть охвачены вниманием коррекционного психолога, поскольку еще являются учащимися специальной коррекционной школы или получают профессиональное обучение в системе среднего специального образования, то лица с легкой умственной отсталостью взрослого возраста, как правило, ускользают от внимания исследователя.

Ведя самостоятельную жизнь и получив профессию, лица с умственной отсталостью легкой степени, не имея инвалидности и являясь полностью дееспособными, лишены поддержки государства, скрывают свой диагноз и стараются максимально адаптироваться в социальном контексте так, как если бы этого диагноза не было, поскольку социум предъявляет к ним фактически те же требования, что и к лицам с нормативным развитием: самообеспечение, социальная полезность и просоциальное поведение. Однако их интеллектуальные и личностные ресурсы существенно отличаются от аналогичных ресурсов людей с нормативным развитием. Их адаптация сопряжена с существенными трудностями, такими, как невозможность самостоятельно не только устроиться на работу с желаемым заработком, но и трудоустроиться в принципе, неспособность выбирать круг

общения и фильтровать социальные контакты, неумение выстраивать диалог с окружающими, строить отношения, неспособность пользоваться правовыми нормами, невозможность справиться с агрессией (как проявляемой самостоятельно, так и получаемой в свой адрес). В связи с этим декомпенсационные попытки построения социального взаимодействия часто приводят к тому, что взрослые лица с умственной отсталостью становятся многодетными родителями-одиночками, зависимыми личностями, совершают преступления сами или становятся жертвами преступлений, теряют жилье, ведут маргинальный образ жизни, имеют нелегальные способы заработка, попадают в места лишения свободы.

В психологическом поле очень важно понимать, как меняются социально ориентированные ожидания лиц с умственной отсталостью в контексте их самостоятельных и зачастую неудачных попыток интегрироваться в социум и меняются ли они вообще, поскольку способность к изменению социальных ожиданий отчасти отражает усвоение имеющегося опыта и соотнесение личности с негативной или позитивной коннотацией этого опыта. Именно такая соотнесенность позволяет вносить необходимые корректировки в поведенческие диспозиции.

Целесообразно изучать данный феномен опосредованно, через качественное исследование нарративных репрезентаций социальных ожиданий лиц юношеского и взрослого возраста с умственной отсталостью, принимая во внимание качественное своеобразие и динамические аспекты становления данных репрезентаций у взрослых, а также учитывая возможность использования полученных данных в последующей разработке стандартизированной методики диагностики, основанной на вербальном материале, полученном из речи респондентов. Феноменологически выявляемые нарративные Я-репрезентации социальных ожиданий связаны, прежде всего, с вербализуемыми представлениями субъекта о степени его принятия со стороны социума и о его возможных социальных интенциях и реализациях в социально-коммуникативном дискурсе. Подобное изучение на данный момент может проводиться лишь опосредованно с использованием контент-анализа информации, полученной с помощью методик исследования Я-структур (в частности, Я-социального).

Диалогичность формирования поведенческого поля коммуникационных взаимодействий требует от его участников ориентировки в поступающей в их адрес информации как вербального, так и невербального свойства [10; 12–15; 20–22]. Именно своевременный, лично ориентированный анализ информационных потоков позволяет вносить необходимые корректировки в поведенческие репрезентации и личностные диспозиции субъекта. Для полноценной реализации взаимодействия человека с собой и миром требуется открытость его восприятия и по отношению к себе, и по отношению к другим [11; 17; 18; 23].

Репрезентативный аспект социально ориентированных ожиданий в контексте способности субъекта сформировать и вербализовать внушительный пласт внутриличностных переживаний, касающихся его представлений об интенциональной направленности взаимодействий, инициированных социумом в адрес человека, а также его собственной потенциальной реализации в социальных взаимодействиях,

связан со способностью субъекта вносить корректировки в поведение и отношение к происходящему. Если социально ориентированные ожидания субъекта не оправдываются, а его прогностические предположения не реализуются, это может привести к возникновению у субъекта поведенческой дезорганизации, дезадаптации и к искажению социальной мотивации взаимодействия и способов ее реализации.

Нарративные Я-репрезентации являются частью концепта Воплощенное Я, получившего широкое распространение в философско-психологических работах А. Ньюэна и соавторов. По А. Ньюэну Воплощенное Я отражает и формирует цельность человеческой самости в единстве ее вербальных, невербальных (чувственных) и поведенческих проявлений [27; 30; 31; 33]. Следовательно, Я — это не чистый нарратив, а феномен, репрезентирующийся в когнитивном, аффективном, вербальном, поведенческом модусах бытия субъекта. Поэтому то, что субъект говорит о своих социально ориентированных ожиданиях, — это не сами ожидания, а лишь их репрезентации. Но получить доступ к исследуемому содержанию компонентов Я другого человека мы можем, прежде всего, опираясь на репрезентивно-нарративный аспект, взятый в соотношении с реальной социальной и биографической ситуацией, набором представлений о себе в прогностическом и поведенческом контекстах. Таким образом, для понимания Я важно не только то, что субъект знает, предполагает, говорит о себе, но и то, как это соотносится с реалиями его жизни и поведением.

В отношении респондентов с нормативным интеллектуальным развитием для изучения Я-структур и самосознания личности существует большое количество вербальных методик, применение которых демонстрирует достоверные результаты. При этом такие методики неинформативны в диагностике личности респондентов с умственной отсталостью в связи с наличием у последних системного недоразвития речи, выраженных трудностей понимания семантического контекста содержания диагностического материала, в частности, абстрактных понятий, что обуславливает высокую степень рандомности выборов ответов и хаотичности выполнения заданий [6].

Согласно разработанной нами модели концепта Воплощенного Я, в основу которой положены основополагающие постулаты общей, и специальной психологии, а также философско-методологические конструкты А. Ньюэна и результаты эмпирических исследований Я-структур личности лиц разного возраста с ОВЗ, в частности, с легкой интеллектуальной недостаточностью, для практического использования и теоретико-методологического описания в рамках коррекционной психологии может быть представлена следующим образом [4]:

1) *биогенетический компонент* определяется нозологической принадлежностью одного или нескольких первичных нарушений развития, т.е. медицинским диагнозом;

2) *Я-модель* связана со способностью субъекта к адекватному отражению действительности, обработке информации, поступающей извне, в том числе в связи с собой;

3) *имплицитное «чувство Я»* связано со способностью к эмоциональному невербализованному переживанию себя и другого как деятеля.

4) *когнитивный компонент эксплицитной «идеи Я»* связан со способностью формировать осознанную картину себя, представления о себе;

5) *поведенческий компонент Я-репрезентаций* связан со способностью осуществлять действия и поступки на основе персонального анализа ситуации;

6) *нарративный компонент Я-репрезентаций* связан со способностью выражать в понятном для окружающих вербальном плане имеющиеся представления о себе, о своих поступках и морально-нравственных оценках действительности, т.е. со способностью к вербальному диалогу.

Нарратив — основной источник получения информации о Я-структурах личности субъекта. Для психологической работы с лицами с ОВЗ важно понимать, что в ряде случаев нарратив имеет свою специфику, а ресурсы его использования при разнообразных нарушениях развития достаточно бедны. Однако это не значит, что Я-структуры, не доступные для исследования через нарратив, отсутствуют вовсе. Вполне возможно, что они функционируют в дорефлексивном варианте, а исследователь на данный момент не имеет релевантного диагностического инструментария для получения доступа к Я-структурам вне нарратива их носителя. Более того, нарратив как некое структурированное повествование о себе крайне сложно реализуем у лиц с нарушением интеллекта в виду нарушений способности к монологу.

На наш взгляд, согласно третьей парадигме научной рациональности [1–3; 7], выделение данных компонентов в рамках Воплощенного Я позволяет изучать Я-структуры личности субъекта с нарушением интеллекта и как целостное образование (сложную самоорганизующуюся систему с межсистемными связями), и как системную совокупность отдельных образований, являющихся самоорганизующимися системами, но представляющими собой подсистемы более сложно организованной системы.

Если подходить к изучению Я субъекта с точки зрения его нарративных и поведенческих репрезентативных характеристик, то стоит отметить выраженные сложности, возникающие при попытке анализа соотнесенности реальных поведенческих паттернов и нарративных репрезентаций, с помощью которых субъект освещает основания и реализацию своих поступков и иной личностной активности [28; 29]. Ведущую роль в репрезентации социально ориентированных ожиданий и формирования этих самых ожиданий играют самовосприятие и восприятие Другого наряду с имеющимся опытом социальных взаимодействий [24–26].

Таким образом, в нашем исследовании мы остановимся на изучении динамических изменений нарративных Я-репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью юношеского и взрослого возраста, что и является **целью исследования.**

Гипотезу исследования мы обозначаем как предположение о том, что контент-анализ нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью является релевантным психологическим инструментарием, позволяющим диагностировать динамические изменения данного феномена, возникающие при переходе от юношеского возраста ко взрослому и заключающиеся в изменении частоты возникновения социально ориентированных ожиданий и изменении их эмоциональной валентности.

Методы

Диагностика динамических изменений Я-репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью производилась в два этапа.

На первом этапе (2007–2009) участниками эксперимента стали 48 человек (25 юношей и 23 девушки в возрасте 16–19 лет с диагнозом F70 по МКБ-10). На втором этапе исследования (2019–2020) была установлена связь только с 16 лицами, принимавшими участие на первом этапе эксперимента. Таким образом, для сравнительного исследования было сформировано две группы результатов, полученных от 16 лиц, прошедших оба этапа эксперимента.

В группу «Юноши» (n=16) вошли участники первого этапа (из них 10 девушек и 6 юношей в возрасте от 16 до 19 лет; $M_{\text{возраст}}=17,0$, $SD_{\text{возраст}}=0,96$), учащиеся специальных коррекционных школ VIII вида. Данные лица владели чтением и письмом в объеме программы специальной коррекционной школы соответствующего года обучения, имели системное недоразвитие речи, обусловленное интеллектуальными нарушениями; понимание обращенной речи было доступно. В школе респонденты получали логопедическую и психологическую помощь, программу специальной коррекционной школы осваивали в полном объеме соответственно году обучения, не были сиротами. Имели хотя бы одного родителя. Участие в эксперименте на данном этапе было добровольным, не оплачивалось.

В группу «Взрослые» (n=16) вошли те же респонденты, что и на первом этапе (10 женщин и 6 мужчин, в возрасте от 26 до 29 лет; $M_{\text{возраст}}=27,1$, $SD_{\text{возраст}}=1,02$). У всех участников второго этапа были сохранены навыки письма и чтения, а также понимание обращенной речи. Официально были трудоустроены двое участников исследования, остальные работали, по их словам, «на сдельной работе»; несколько человек имели нелегальные источники доходов. Участницы в основном проживали с супругом/сожителем и детьми либо отдельно с супругом/сожителем без детей, либо одни с детьми. Участники проживали одни либо с сожительницей/супругой и детьми (не всегда собственными), либо с сожительницей или супругой без детей, либо вдвоем с кем-то снимали жилье, поскольку «так дешевле». Контакт с семьей, в которой выросли, поддерживали все участники эксперимента, у кого еще живы старшие родственники. Частота контактов варьировалась от 1-2 раз в неделю до одного раза в год («на новый год»). Психологического, педагогического и социального сопровождения участники взрослой группы не получали. На данном этапе участие в исследовании было добровольным и оплачивалось, что мотивировало участников к взаимодействию с экспериментатором.

Для актуализации нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий были использованы нестандартизированные самоотчеты, разработанные для исследования Я-социального у лиц с нарушением интеллекта.

1. Методика «Закончи предложения», взрослый вариант, в рамках которой предлагалось письменно продолжить фразы [4]: 1) Другие люди меня...; 2) Мои близкие меня...; 3) Мой партнер меня...; 4) Мои дети меня...; 5) Мои друзья меня...; 6) Для других людей я...; 7) Для моих близких я...; 8) Для моего партнера я...; 9) Для моих детей я...; 10) Для моих друзей я....

2. Методика «Узнай о себе», взрослый вариант, при выполнении которой участникам эксперимента задавались «самоотчетные» вопросы [4]: 1) Доверяют ли мне другие люди?; 2) Какую работу мне предлагают?; 3) Что мне помогает быть счастливым?; 4) Что мне помогает устроиться в жизни?; 5) На что я трачу свободное время?; 6) Что делают для меня другие люди?; 7) Жить легче одному или с кем-то?; 8) Мои близкие одобряют мои увлечения?; 9) Нужно ли мне в жизни учиться чему-то новому?; 10) Каким меня видят другие?

3. Специально разработанные вопросы для самопознания с максимальным упрощением лексического материала. Например: Меня устраивает моя жизнь? Что мне нравится в моей жизни? Что хочу изменить в моей жизни? Я смотрю, как живут другие? Бывает, что я завидую другим? Чему я завидую? Завидуют ли мне? Со мной интересно общаться? Мне интересно общаться с другими? Хотят ли другие общаться со мной? Готовы ли другие люди мне помочь? Готов ли я помочь кому-то?

В общей сложности каждому респонденту было задано порядка 40 вопросов и предложено продолжить 10 утверждений. Перед началом исследования проводилась вводная беседа, после проведения эксперимента — заключительная беседа. Методики «Закончи предложение» и «Узнай о себе» предполагали короткие письменные ответы на вопросы и достраивание окончаний предложений по началу. Ответы на вопросы для самопознания были даны устно и протоколировались. При сборе вербального материала нарративных Я-репрезентаций соблюдался принцип учета границ интимности и стыда. Респонденты не обязаны были отвечать на те вопросы, на которые не хотели отвечать или которые им казались «слишком личными».

Для количественного анализа результатов были учтены только спонтанно возникающие нарративные репрезентации социальных ожиданий, которые актуализировались в процессе эксперимента и были представлены в составе речевого высказывания, следующего сразу после вопроса экспериментатора, или добавлены респондентами в конце неоконченного предложения. Для качественного анализа нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий могли быть заданы дополнительные вопросы для прояснения изначально полученной информации.

В контент-анализе полученных данных за единицу анализа принималось речевое высказывание (предложение). Поскольку лица с легкой умственной отсталостью используют в своей речи в основном простые предложения, то их

речевые высказывания могли быть представлены, например, предикативными конструктами, однословными назывными предложениями. Единица счета — репрезентативное упоминание. Учитывалось количество репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий (единиц счета) в речевом высказывании (единице анализа).

В основу кодировки были положены два параметра: частота возникновения репрезентативных упоминаний (количественная фиксация и подсчет согласно фактическому наличию репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий в единице анализа) и эмоциональная направленность репрезентативного упоминания (характеристика репрезентативного упоминания в соотношении с его позитивным, негативным, нейтральным эмоциональным «зарядом»). Использовалось латентное кодирование, основанное на семантическом анализе единиц речи и репрезентативных упоминаний.

Кодирование материалов проводилось тремя экспертами. Квалификация экспертов: высшее дефектологическое образование, первая/высшая квалификационная категория, опыт работы учителем в старших классах/опыт работы психологом специальной (коррекционной) школы VIII вида не менее 5 лет. Экспериментатор взаимодействовал с участниками исследования и проводил экспертизу материалов, а эксперты проводили только экспертизу материалов.

Таким образом, при анализе нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий перед экспертами был поставлен ряд приведенных ниже вопросов для латентного кодирования и последующего качественного анализа полученного вербального материала.

1) Характеристика речевого высказывания. Соответствует ли ответ вопросу по смыслу и соответствует ли по смыслу его продолжение началу фразы? (да — 2, нет — 1, другое — 0). Является ли речевое высказывание развернутым? (да — 2, нет — 1). Какова организация речевого высказывания? (сложное предложение — 4; простое распространенное предложение — 3, предикативный конструкт — 2, однословное предложение — 1, другое — 0). Содержит ли высказывание репрезентацию социально ориентированных ожиданий? (да — 1, нет — 0).

2) Количество репрезентативных упоминаний. Сколько репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий содержит высказывание (единица анализа)?

3) Содержание репрезентативных упоминаний в единице анализа (фиксируется для каждого репрезентативного упоминания, обнаруженного в единице анализа). Каков предмет репрезентативного упоминания (о чем говорится в репрезентативном упоминании)? В какой форме выражено социально ориентированное ожидание: желание («я хочу», «мне бы хотелось») — 5; утверждение — 4; должествование («они должны», «должно быть») — 3; рассуждение («я думаю») — 2; надежда («я надеюсь») — 1; другое — 0; Относительно какой области жизни сформулировано репрезентативное упоминание социально ориентированных ожиданий?

4) Эмоциональная направленность репрезентативного упоминания. Какую эмоциональную направленность имеет репрезентативное упоминание? (позитивная — 4; нейтральная — 3; негативная — 2; противоречивая — 1).

Отнеся репрезентативное упоминание социально ориентированных ожиданий к той или иной области жизни, которую оно описывает, эксперты самостоятельно формировали своеобразные семантические кластеры. Эксперты не были ограничены ни в количестве, ни в содержании выделенных ими семантических кластеров. Некоторые кластеры, выделенные разными экспертами, имели более узкий семантический контекст и могли быть укрупнены, поэтому коллегиально были сформированы итоговые семантические кластеры: Отношения в семье; Отношения с партнером; Работа и профессия; Здоровье; Заработок, материальный достаток; Способность к самостоятельной жизни; Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми; Общественное принятие, признание; Социальная успешность и уважение со стороны других людей; Хобби, привычки, творчество, общение по интересам; Получение новых знаний и развитие себя; Личностные качества и их оценка окружающими; Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми; Совместная деятельность с другими людьми. Далее экспертам было необходимо самостоятельно оценить семантические кластеры согласно полученным ими данным о частоте возникновения репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий в каждом из них. Оценкой кластера служило количество обнаруженных в нем репрезентативных упоминаний. После выставления оценок кластеры необходимо было оценить с точки зрения их эмоциональной валентности, отмеченной на основании эмоциональной окрашенности репрезентативных упоминаний. Расчет согласованности мнений экспертов проводился по параметру частоты репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий и по параметру эмоциональной валентности семантических кластеров с помощью коэффициента конкордации Кендалла. Для сравнительного анализа использовался критерий Вилкоксона для связанных выборок, критерий χ^2 Пирсона.

Результаты

В силу сохраняющегося на протяжении всей жизни у лиц с легкой умственной отсталостью системного недоразвития речи и общих трудностей употребления ими нарратива как средства структурирования информации о себе Я-репрезентации имеют специфическое вербальное выражение. Для нарративных Я-репрезентаций лиц с нарушением интеллекта мы выделяем следующие качественные характеристики.

1) Предикативная направленность: в Я-репрезентации описывается по большей части то, что субъект делает, а не то, каков он есть.

2) Грамматическая дисфункциональность: отсутствие согласования слов в речевом высказывании.

3) Дефрагментация смыслового содержания: смысловые части высказывания не согласуются друг с другом.

4) Ситуативность: для актуализации репрезентаций необходимо побуждение извне.

5) Хаотичность: на однотипные побуждающие вопросы могут быть даны разные ответы.

С точки зрения эмоционального содержания речевых высказываний мы выделяем следующие типы валентности (в скобках приведены примеры высказываний респондентов):

1) позитивная («Все наладится, и мы сможем говорить и ходить вместе»; «Мне хочется доброго человека видеть»; «Я смогу устроиться на работу мечты»);

2) нейтральная («Всегда что-то будут про меня рассказывать»; «Любит не любит, какая разница?»; «Мне одному будет нормально и с кем-то»);

3) негативная («Опять будут ограничивать и ничего не разрешать»; «С ним бесполезно говорить»; «Не будут предлагать хорошую работу»);

4) противоречивая («Я хочу все хорошее, но уже не верю, что услышат меня»; «Я надеюсь, что бросит пить, но зря, наверное»; «Я бы парикмахером была, но не возьмут»).

Анализ содержания нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий у юных лиц с умственной отсталостью

Юноши с легкой умственной отсталостью к заданиям относились с интересом, несмотря на трудности обращения к себе. Многие из них отмечали, что это «надо и необходимо», «себя надо знать, чтобы знать и других». Они старались удерживать внимание при выполнении методик, давать ответ наиболее полно, развернуто, при этом указывали, что «хочется ответить правильно», «как надо», и давали живую эмоциональную реакцию, когда сообщалось, что можно и нужно отвечать, как им хочется. Окончания предложений чаще всего были связаны по смыслу с началом, в основном были вполне развернутыми, но нередко имели редуцированный вид, который в последствии респонденты пытались исправить, устно уточняя те моменты, которые были написаны. В целом социально ориентированные ожидания были связаны с получением профессии и трудоустройством, с возможностями и желанием самостоятельной жизни, с потенциальной реализацией желаний с участием других людей.

Отношения в семье. Социально ориентированные ожидания в рамках отношений в семье были связаны с желанием респондентов покинуть ту семью, где они выросли, чтобы жить самостоятельно, начать работать, зависеть только от себя и заниматься, чем хочется. Отмечались нереалистичное ожидание, что взрослому можно делать то, что он хочет, и представление о том, что в своей семье можно устанавливать свои правила общения с близкими. Использовались такие формулировки: «в семье надо быть головой», «я сам придумаю, как это должно быть хорошо».

Отношения с партнером. В данной тематике отмечались нереалистичные ожидания об идеальном спутнике, который непременно должен встретиться на пути тогда, когда юноша или девушка станут самостоятельными. Отмечалось также большое значение нахождения «правильного» супруга, при этом понятие «правильного» респонденты поясняли по-разному: «это такой, как я хочу», «эта такая девушка, которая все может делать». Респонденты говорили о важности открытости и честности в отношениях, при этом отмечали, что «соврать немножечко можно, чтобы на пользу».

Работа и профессия. Профессиональная реализация и нахождение своего места в жизни очень сильно заботило юношей с легкой умственной отсталостью. Они указывали, что непременно где-то есть «хорошая для меня работа», «там зарплата во какая!»

Здоровье. Социально ориентированные ожидания относительно здоровья связаны с недопониманием его ограничений, нежеланием заботиться о здоровье, хотя «это надо», в связи с тем, что хочется потратить время на что-то другое, например, на общение, секс, игры, хобби.

Заработок, материальный достаток. Ожидания относительно заработка и материальной обеспеченности связаны с возможностью получить столько денег, сколько нужно, но для этого надо работать. Некоторые респонденты говорили, что можно и не работать, есть много других способов, и их этому обязательно кто-то научит.

Способность к самостоятельной жизни указывалась респондентами в качестве основной: «ты сам должен все уметь», «сам будешь жить, сам готовить», «когда сам живешь, сам себе молодец». Некоторые респонденты говорили, что могут «все сами», хотя жить одному может быть тяжело, потому что они «любят лениться». Можно жить с друзьями, и так будет веселее, особенно если «друзья не любят лениться».

Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми связана с ожиданием того, что нужно заводить как можно больше социальных контактов, чтобы везде были знакомые. Вместе ходить куда-либо, проводить время, чтобы «не было одному скучно». Одиночество рассматривается как негативно окрашенная перспектива: «я хороший, и со мной должны общаться и делать для меня хорошее». Понимание личной успешности ограничено, поскольку респонденты не до конца понимали, что значит успех, и объясняли его как: «первый пришел и все себе забрал», «создать свою группу и быть там самым главным».

Общественное принятие, признание воспринимается как нечто само собой разумеющееся, что обязательно приходит к человеку, который живет сам и умеет все сам. Создается ожидание, что «все будут тобой интересоваться», «когда все к тебе идут», «ты всем нужен». Юноши предпочитали знакомиться, чтобы найти друга или подругу; ожидали, что будут симпатичны для противоположного пола; хотели научиться выбирать того, кто будет хорошим другом. При этом отмечали, что самому «нельзя быть лохом», «дурачком», чтобы тебя «не обманули и не обидели сильно». Они ожидали, что их социальная реализация будет встречена близкими

и другими людьми, которые живут в мире, позитивно и с интересом к самим респондентам.

Социальная успешность и уважение со стороны других людей. Юные респонденты ожидали уважения со стороны других и считали, что могут стать достаточно социально успешными: «я там буду очень важным, таким, ну чтоб как президент».

Хобби, привычки, творчество, общение по интересам связаны с ожиданием того, что это хорошее времяпрепровождение, что «здорово это уметь», приятно, когда тебе нравится «учиться делать тортики, чтобы потом продать». Результаты занятий хобби, по мнению респондентов, можно было бы использовать в обычной жизни для достижения каких-то задач и целей, можно знакомиться через общие интересы с людьми, общаться с теми, кто нравится, или заняться тем же, чем они занимаются, чтобы понравиться им.

Получение новых знаний и развитие себя связано в этом возрасте с получением профессиональных знаний и знаний о самостоятельной жизни в целом. Респонденты указывали, что открыты к знаниям и хотят становиться лучше.

Личностные качества и их оценка окружающими для юношей соотносится с самопрезентацией и преподнесением себя в выгодном свете для увеличения числа социальных контактов. Оценка окружающих очень важна и субъективно переживается как некая гарантия того, что «ты хороший».

Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми ожидается как неременный атрибут жизни. «Вместе лучше», «один не в поле воин», «весело вдвоем, одному — нет».

Совместная деятельность с другими людьми. Умение организовывать совместную деятельность не рассматривается в юношеском возрасте как нечто необходимое и важное.

Расчет согласованности мнений экспертов относительно частоты возникновения спонтанных нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью в вербальном контенте, полученном в рамках первого этапа исследования, показал, что коэффициент конкордации составляет $W=0,97$; $\chi^2=37,95$ ($df=13$) при $p<0,01$, что говорит о высокой степени согласованности мнений экспертов. Здесь и далее частота встречаемости репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью юношеского возраста в разных семантических кластерах обратно пропорциональна высоте ранга. Следовательно, чем больше сумма рангов кластера, тем частота репрезентативных упоминаний о нем выше. Результаты представлены в Приложении 1.

При соотнесении сумм рангов каждого семантического кластера со средним значением суммы рангов для всех 14 кластеров, вычисленным по формуле $\sum \sum x_{ij}/N=22,5$, где $\sum \sum x_{ij}$ — общая сумма рангов всех кластеров, а N — количество кластеров, в рамках анализа частоты встречаемости спонтанных нарративных

репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью в группе «Юноши» можно отметить, что суммы рангов таких кластеров, как Отношения в семье, Отношения с партнером, Работа и профессия, Способность к самостоятельной жизни, Получение новых знаний и развитие себя, Личностные качества и их оценка окружающими, а также Дружба, любовь счастье в отношениях с людьми имеют показатели выше среднего и являются наиболее часто встречающимися в вербальном контенте. Значение суммы рангов ниже среднего имеют кластеры Здоровье, Заработок, материальный достаток, Оценка себя и своих действий во взаимоотношении с людьми, Общественное принятие, признание, Социальная успешность и уважение со стороны других людей, Хобби, привычки, творчество, Совместная деятельность с другими людьми.

Здесь и далее показатели весомости для семантических кластеров были рассчитаны с учетом необходимости выявления наиболее редко и наиболее часто репрезентируемых тем. Коэффициент λ_1 (Приложение 2) отражает весомость семантических кластеров, наиболее редко встречающихся в нарративных репрезентациях, и рассчитывается как отношение суммы преобразованных рангов семантического кластера к общей сумме преобразованных рангов всех кластеров. Весомость семантических кластеров, наиболее часто встречающихся в нарративных репрезентациях, отражает коэффициент λ_2 , который рассчитывается по следующему алгоритму. Для каждого семантического кластера вычисляется величина, обратная сумме преобразованных рангов, после чего полученные значения суммируются, и весовой коэффициент представляет собой отношение величины, обратной сумме преобразованных рангов, к общей сумме этих величин для всех семантических кластеров. Наиболее редкими темами для нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий у юношей стали Заработок, материальный достаток, Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми, Совместная деятельность с другими людьми. Наиболее часто встречающимися темами стали Отношения с партнером, Личностные качества и их оценка окружающими и Способность к самостоятельной жизни (Приложение 2).

Коэффициент согласованности мнений экспертов относительно эмоциональной валентности семантических кластеров, содержащих спонтанные репрезентативные упоминания социально ориентированных ожиданий юношей с легкой умственной отсталостью, составил $W=0,91$, $\chi^2 = 35,38$ ($df=13$) при $p<0,01$. Эксперты оценили эмоциональную валентность семантических кластеров в положительном ключе, за исключением кластеров Здоровье (имеет нейтральный оттенок), Заработок, материальный достаток (нейтрально положительный оттенок) и Хобби, привычки, творчество, общение по интересам (противоречивый эмоциональный оттенок). Данные, приведенные в Приложении 3, указывают на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов относительно эмоциональной окрашенности репрезентативных упоминаний.

Анализ содержания нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий у взрослых людей с умственной отсталостью

На этапе взрослого возраста респонденты не проявляли высокой заинтересованности в выполнении заданий, но отвечали на все вопросы. Обращение

к себе у них было затруднено, обозначалось ими как ненужное, бессмысленное, несоответствующее ситуации: «Мне это не интересно». Однако прослеживалось постпроизвольное внимание к выполнению методик, к детализации, уточнению своих ответов, изменению отдельных формулировок, исправлению, если тема касалась интересной и значимой для них области. Ответы не носили формального характера, особенно если вопросы затрагивали актуальные проблемы (например, проблемы взаимоотношений в семье или с партнером). Окончания предложений чаще всего были связаны по смыслу с началом, но не были развернутыми и имели редуцированный вид. Представленные социально ориентированные ожидания не отличались разнообразием. Ответы соотносились с преодолением конкретных трудностей, связанных с избеганием материальных проблем, с неустроенностью отдельных жизненных сфер, с отсутствием работы, с трудностями в личной жизни и отношениями в семье.

Отношения в семье. Социально ориентированные ожидания в рамках отношений в семье были в основном связаны с тематикой принятия респондента членами семьи (близкими родственниками, супругами, детьми, теми, кого субъект считает своей семьей), атмосферой ясности и открытости в общении. Использовались следующие формулировки: «в семье должно быть хорошо», «меня там должны слушать(ся)».

Отношения с партнером. Ожидания связаны с общностью интересов, удовольствием, честностью, способностью беречь другого, хотя это, по словам самих респондентов, в реальности не прослеживается ни с их стороны, ни со стороны их партнеров. Например, трое партнеров/супругов не в курсе, что их «половина» закончила специальную (коррекционную) школу, и респонденты категорически не хотят, чтобы этот факт стал известным, а то «он уйдет», «плохо будет, что я дурочка». Практически все респонденты указали, что имеют от своих партнеров секреты, связанные с разнообразными областями жизни. Встречалось сокрытие от партнера денежных средств, потому что «он пропьет», и необоснованных трат общего бюджета («мне кофточка понравилась, а он ругаться будет»); сокрытие факта общения с нежелательными людьми («муж не хочет, чтобы я с теми ними общалась») и наличия связей на стороне («ну это у меня случайно было, ну интим такой, ну вы понимаете»); сокрытие аборта («устала уже детей делать, у меня их двое целых»). Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми ожидаются и упоминаются как нечто важное, но направленное в большей степени на себя, в меньшей — на другого.

Работа и профессия. Отмечались разнообразные социально ориентированные ожидания, связанные с невозможностью заниматься той работой, которая интересна, потому что «никуда не берут», «мало платят», «много требуют», «я столько не умею, как там надо»; связанные с трудностями получения дополнительного образования, потому что «я не понимаю, как учиться», «я учиться не могу, мне надоело», «меня все равно не возьмут машину водить, как я хочу»; связанные с тем, что не всегда деньги нужно именно зарабатывать, потому что «деньги можно получать легко, но не совсем честно», «мне деньги кое-какие платят за интим, я это хорошо умею», «вот только не надо говорить, что я плохо делаю, что продаю» (примечание автора — имеются в виду запрещенные вещества).

Здоровье. Ожидания связаны с переживанием невозможности получить медпомощь, но с надеждой на ее бесплатное получение и высокое качество, потому то «кто тебя лечить будет, кому ты нужен?», «нельзя болеть, мне сказали... а то все!», но несмотря на это «я вот ложусь в больницу, ну, чтобы там прокапали, пусть там и кормят, и лечат», «конечно должны нас лечить! Обязательно, если надо нам».

Зарботок, материальный достаток. Репрезентации социально ориентированных ожиданий связаны с пониманием того, что денежных средств всегда не хватает, сколько бы человек ни зарабатывал («только зарплату получил, а ее уже нет», «заплатил за то и это, и все, нечего тратить»); с желанием меньше работать и больше получать («а я что, хочу ничего не делать и чтобы мне платили деньги большие!»); с оценкой качества жизни по критерию заработка («а чего, нормально мы живем... на пиво же хватает и ладно», «мне не будут платить столько, чтобы я купила, что хочу»); с желанием и ожиданием зарабатывать «много-много».

Способность к самостоятельной жизни оценена респондентами достаточно высоко, несмотря на то, что они указывают на необходимость помощи, порой четко не выражая, в чем именно эта помощь должна заключаться: «хорошо, если б кто-то помог... денег там дать или чего-то еще просто так», также указывают, что «поговорить не с кем, но так всегда было», что «самому в жизни не добиться», или, наоборот, «я еще все буду иметь и всего добьюсь», «я смогу».

Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми связана с ожиданием того, что другие будут помогать, участвовать в жизни, интересоваться, а вот «буду ли помогать я — это вопрос», потому что «мне это не надо», «а чем я могу помочь?» и так далее. Ожидания по поводу совместной деятельности с другими людьми сводится в основном к оказанию помощи в бытовых делах. Отдельно отмечается наличие зависти к тем, кто успешнее, больше знает, красивее выглядит, модно одевается. При этом респонденты достаточно искренне говорят, что сталкивались с завистью как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Предполагают, что им тоже будут завидовать, хотя «вроде нечему». Или сравнивают других с собой: «ну я же завидую, вот и они тоже», а «когда красивый человек — это так красиво, правда же? И я хочу быть красивой».

Общественное принятие, признание. Респонденты так или иначе упоминали о важности социального признания, общения с другими людьми, умения коммуницировать и заводить новые знакомства. Умение знакомиться с людьми и нравиться им периодически обозначалось как одно из самых важных умений человека. Однако отметилась тенденция обозначения особой значимости знакомства, но не поддержания дальнейших отношений в виду того, что это «трудно», «неспокойно», «с другом общаться не просто». Общественное принятие и признание ожидается независимо от наличия или отсутствия у субъекта негативного опыта взаимодействия и неприятия другими членами социума. Почти все респонденты указали, что тем не менее ищут способ выделиться и получить признание, если даже иногда этого не получали в том объеме, в котором хотели. Им хочется быть хоть в чем-то лучше других, даже если объективно ни разу, по их мнению, не испытывали ситуации успеха.

Социальная успешность и уважение со стороны других людей. Респонденты активно ожидали, что рано или поздно сформируется их социальная успешность и они получают уважение со стороны других людей (значимой личности или референтной группы), получают особый статус в профессии или в группе, который будет отличать их от остальных.

Хобби, привычки, творчество, общение по интересам, получение новых знаний и развитие себя связаны в понимании респондентов с тем, как их личностные качества будут/были оценены окружающими. По их словам, этим стоит заниматься, чтобы «ценили» и чтобы «себя показать в нужном свете». При этом респонденты отмечают, что «хобби — это интересно и прикольно», «у всех оно должно быть» и не только «пить пиво, курить всякое там», но и «полезное и красивое делать».

Личностные качества и их оценка окружающими на взрослом этапе жизни не имеет такого значения, как на юношеском. Взрослые респонденты не слишком озабочены тем, как они выглядят в глазах окружающих, если только это не несет для них какой-то личной выгоды.

Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми воспринимается на данном этапе как нечто плохо достижимое, но достаточно желаемое. Респонденты взрослого возраста отмечают важность доверия, любви и умения быть друзьями, но указывают на сложность приобретения такого опыта из-за разочарований и негативных эмоций, сопровождающих разрывы отношений.

Совместная деятельность с другими людьми определяется как нужная и необходимая. Принимаются во внимание различные факты такой реализации, которым дается практическая оценка, например: «А я знаю, что бывшие сироты, когда получают квартиры, в одной живут вместе. А все другие сдают и деньги получают. Так легче. Молодцы».

Коэффициент конкордации мнений экспертов относительно частоты возникновения спонтанных нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью в вербальном контенте, полученном в рамках эксперимента в группе «Взрослые», составил $W=0,99$, $\chi^2=38,57$ ($df=13$) при $p<0,01$, что говорит о наличии высокой степени согласованности мнений экспертов. Частота встречаемости нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий в данной группе представлена в Приложении 4.

При соотнесении сумм рангов каждого семантического кластера со средним значением суммы рангов для всех 14 кластеров, полученных на основе данных группы «Взрослые», можно отметить, что кластеры Отношения в семье, Отношения с партнером, Заработок, материальный достаток, Способность к самостоятельной жизни, Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми, Общественное принятие, признание, Социальная успешность и уважение со стороны других людей и Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми имеют показатели выше среднего и являются наиболее часто встречающимися в вербальном контенте. Значение суммы рангов ниже среднего приобрели кластеры Работа и профессия, Здоровье, Хобби, привычки, творчество, общение по интересам, Получение новых

знаний и развитие себя, Личностные качества и их оценка окружающими и Совместная деятельность с другими людьми.

Показатели весомости для семантических кластеров были рассчитаны с учетом выявления редко и часто репрезентируемых тем в вербальном контенте на данном возрастном этапе. Наиболее редкими темами для нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий в группе «Взрослые» стали Хобби, привычки, творчество, общение по интересам, Получение новых знаний и развитие себя, Личностные качества и их оценка окружающими, Совместная деятельность с другими людьми. Наиболее часто встречаются темы Заработок, материальный достаток, Отношения в семье (см. Приложение 5).

Согласованность мнений экспертов относительно эмоциональной окрашенности семантических кластеров в рамках эксперимента в группе «Взрослые» была достаточно высокой, коэффициент конкордации $W=0,83$, $\chi^2=32,52$ ($df=13$) при $p<0,01$. Эксперты оценили эмоциональную валентность семантических кластеров в противоречивой направленности, за исключением кластеров: Способность к самостоятельной жизни (имеет нейтрально-положительную направленность); Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми, Общественное принятие, признание, Социальная успешность и уважение со стороны других людей, Хобби, привычки, творчество, общение по интересам, Личностные качества и их оценка окружающими (имеют положительный оттенок); Социальная успешность и уважение со стороны других людей, Получение новых знаний и развитие себя (нейтральный эмоциональный оттенок). Данные указывают на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов относительно оценки эмоциональной окрашенности репрезентативных упоминаний (см. Приложение 6).

Анализ динамики изменений нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий у лиц с умственной отсталостью

По параметру частоты возникновения репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий мы сравнили суммы преобразованных рангов каждого семантического кластера на этапе юности и взрослости по Т-критерию Вилкоксона для связанных выборок, согласно которому значение суммы рангов нетипичных сдвигов при критических значениях для $T_{эмп}=25$ при $p=0,05$ находится в зоне неопределенности. Значение $T_{эмп}=21$, $p<0,05$ говорит о наличии изменений в количестве репрезентативных упоминаний социально ориентированных ожиданий от юношеского ко взрослому возрасту, не достигающих высокого уровня статистической достоверности, однако указывающих на тенденцию к наличию этих изменений в большей степени, нежели к их отсутствию (Приложение 7).

По параметру эмоциональной окрашенности семантических кластеров репрезентативных упоминаний также сравнивались суммы преобразованных рангов каждого кластера на этапе юности и взрослости. Значение $T_{эмп}=10$, $p<0,01$ суммы рангов нетипичных сдвигов при критических значениях для $T_{эмп}=15$ при $p=0,01$ находится в зоне значимости, что говорит о том, что изменения эмоциональной окрашенности репрезентативных упоминаний от юношеского ко взрослому возрасту значительны (Приложение 8).

Обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,01$) в частоте репрезентативных упоминаний в сторону увеличения во взрослом возрасте в кластерах Заработок, материальный достаток, Оценка себя и своих действий в отношениях с людьми, Совместная деятельность с другими людьми, Общественное принятие, признание; и в сторону уменьшения во взрослом возрасте упоминаний в кластерах Получение новых знаний и саморазвитие, Личностные качества и их оценка окружающими. В кластере Здоровье не произошло никаких изменений частоты репрезентаций. Общее количественное соотношение нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий между юношеским и взрослым возрастом меняется незначительно, однако имеет место качественное перераспределение межтематической семантической нагрузки (рис.).

Рис. Динамика изменений частоты встречаемости семантических кластеров в нарративных репрезентациях социально ориентированных ожиданий в юношеском и взрослом возрастах

При сравнении эмоциональной валентности семантических кластеров статистически значимые отличия ($p < 0,01$) обнаружены в кластерах Отношения в семье, Отношения с партнером, Работа и профессия, Заработок, материальный достаток, Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми. С возрастом отмечаются снижение позитивной эмоциональной окраски и приобретение противоречивого эмоционального отношения, когда респондент имеет ожидания, основанные на собственных желаниях, и ожидания, основанные на реальном опыте социальных взаимодействий.

Обсуждение результатов

Контент-анализ речевой продукции лиц с легкой степенью умственной отсталости показал возможность исследования нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий без использования специальных методик диагностики. При этом вопросы для самопознания, составленные с учетом лингвистических возможностей респондентов, могут отчасти явиться самостоятельным инструментом исследования в данном направлении при условии скрупулезного

анализа вербального материала и его семантического контекста. Статистический анализ показал, что согласованность экспертов в оценке полученных данных не однородна и зависит от области оценивания и критериев оценивания. В нашем случае значение коэффициента конкордации было выше при оценке частотности возникновения спонтанных репрезентативных упоминаний, соотнесенных с определенным семантическим кластером, а при оценке эмоциональной окрашенности репрезентативных упоминаний несколько снижалось. Также увеличение коэффициента конкордации на втором этапе эксперимента может быть связано с вработываемостью экспертов, для которых процедура оценивания и применения критериев оценивания повторялась, а на первом этапе была новым видом деятельности.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что спонтанно возникающие нарративные репрезентации социально ориентированных ожиданий у лиц с легкой умственной отсталостью могут быть расширены с помощью дополнительных вопросов в процессе беседы. В нарративных репрезентациях лиц с легкой умственной отсталостью используются различные формы организации речевого высказывания: сложное предложение, простое распространенное предложение, предикативный конструкт, однословное предложение. Формы выражения социально ориентированного ожидания также различаются (желание, должествование, утверждение, ожидание, рассуждение, надежда, предположение), равно как и эмоциональная направленность репрезентативных упоминаний (от позитивной до противоречивой). Лица с легкой умственной отсталостью в юном возрасте ощущают наполненность позитивно направленными социальными ожиданиями в рамках основных областей жизни, при этом достаточно положительно оценивают как собственные ресурсы, так и влияние других людей на свою жизнь. Им хочется поскорее выйти в социум и занять там свое место, найти друзей, встретить пару и создать семью. Большое внимание они уделяют самопрезентации и ее успешности в связи с полученными от других людей оценками.

Во взрослом возрасте эмоциональная окрашенность социальных ожиданий в разных областях жизни становится менее положительно однозначной, появляются и отрицательные эмоциональные оценки, что делает общее эмоциональное отношение противоречивым. В качестве причин разных эмоциональных оценок социально ориентированных репрезентаций взрослые лица с умственной отсталостью называют имеющийся опыт, наличие своего мнения по данному вопросу, надежду на лучшее, полученную информацию из интернета и источников СМИ («А вот я по телевизору видел, как людей обманывают. Вдруг меня тоже обманут. Жулье такое», «Даже если кому-то везет, мне не обязательно что повезет», «Нет сейчас нормальных людей. Все ненормальные. Я так думаю. Но встречу обязательно хорошего»).

Во взрослом возрасте отмечается увеличение числа репрезентаций социальных ожиданий в кластерах Заработок, материальный достаток, Оценка себя и своих действий в отношениях с людьми, Совместная деятельность с другими людьми, Общественное принятие, признание, но уменьшение их числа в кластерах Получение новых знаний и саморазвитие и Личностные качества и их оценка окружающими.

Это может быть связано с тем, что взрослые респонденты, имеющие свою семью, вынуждены находить источник заработка, на который влияют их собственные действия в отношении с другими людьми и оценка этих действий. При этом саморазвитие как таковое и оценка их личности окружающими начинают интересовать их в значительно меньшей степени, нежели в юности.

Тенденция к формированию положительно окрашенных социальных ожиданий у взрослых лиц с легкой умственной отсталостью сохраняется. Положительные репрезентации социально ориентированных ожиданий от жизни в целом и от представителей социального окружения в рамках трудоустройства и заработка, отношений и социального принятия могут сохраняться при фактическом игнорировании реальных ситуаций неуспеха, непринятия и профессиональных проблем. В этом направлении Я-социальные структуры личности производят некое слияние с прообразами Я-идеального и имеют в целом положительную направленность, несмотря на то что имеющийся опыт социального взаимодействия респонденты оценивают как негативный (и во многих случаях он действительно является таковым). При этом из-за сниженной критичности и ситуативной эмоциональной лабильности в ряды негативного опыта могут быть записаны вполне рядовые житейские события, которые тем не менее связаны с неудовлетворением/обманом имеющих завышенных ожиданий. Подобная ситуация имеет место на этапе младшего школьного возраста, когда наиболее положительно ориентированными компонентами Я-концепции являются Я-идеальное и Я-социальное. При этом наличие негативного ситуационного опыта не влияет коренным образом на положительную направленность этих компонентов.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы.

1) Гипотеза нашего исследования подтвердилась, поскольку с помощью релевантного методического подхода произведена оценка динамических изменений репрезентаций социально ориентированных ожиданий, которые связаны с тем, что общее количественное соотношение нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий между юношеским и взрослым возрастaми меняется. Имеет место качественное перераспределение межтематической семантической нагрузки наряду с существенными изменениями эмоциональной валентности данных тем в Я-репрезентациях социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью юношеского и взрослого возрастa.

2) Количественные характеристики нарративных репрезентаций социально ориентированных ожиданий не подвержены сильным изменениям по мере взросления лиц с легкой умственной отсталостью. Однако их эмоциональная направленность изменяется, снижается число положительно направленных социально ориентированных ожиданий, что подтверждается статистически и говорит о способности таких лиц к самостоятельной переработке имеющегося жизненного опыта, к учету результатов деятельности. Выделенные семантические кластеры социально ориентированных ожиданий могут быть положены в основу

разработки стандартизированной методики диагностики данного феномена у лиц с легкой умственной отсталостью.

3) Полученные в исследовании данные можно классифицировать только как тенденцию, которая в силу небольшой выборки и несовершенства методического инструментария не может быть экстраполирована на популяционные тенденции формирования самосознания и поведения лиц данной нозологической группы. В связи с чем перспективы развития исследования в данном направлении могут быть связаны с изучением не только отдельных компонентов Воплощенного Я, но и этого феномена в целом, взятого в многообразии его сущностных и специфических ситуативных проявлений. Обозначенный метод сочетается с подходами постнеклассической парадигмы научной рациональности и понимания предмета психологического изучения с системорганизующей точки зрения.

Литература

1. Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. К проблеме самоорганизации в биологии и психологии // Вестник новых медицинских технологий. 2016. Том 23. № 3. С. 174–181. DOI: 10.12737/21764
2. Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. Развитие психологии и психофизиологии в аспекте третьей парадигмы естествознания // Вестник новых медицинских технологий. 2016. Том 23. № 3. С. 187–194. DOI: 10.12737/21766
3. Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. Третья парадигма в медицине и психофизиологии [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. 2016. Том 10. № 2. С. 73–79. URL: <http://medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2016-2/1-6.pdf> (дата обращения: 13.09.2021)
4. Кузьмина Т.И. К вопросу об использовании концепта «Воплощенное Я» в специальной психологии личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 92–107.
5. Кузьмина Т.И. К вопросу о перспективах исследования самосознания в специальной психологии // Российский психологический журнал. 2020. Том 17. № 2. С. 5–16. DOI: 10.21702/rpj.2020.2.1
6. Кузьмина Т.И. Психологическая диагностика самосознания лиц разного возраста с интеллектуальной недостаточностью. М.: НКЦ, 2016. 192 с.
7. Назарова Н.М. Специальная педагогика на этапе смены научных парадигм // Дефектология. 2021. № 1. С. 3–14. DOI: 10.47639/0130-3074_2021_1_3
8. Dennett D.C. Consciousness explained. London: Penguin Books, 1992. 528 p.
9. Frances A.J., Widiger T. Psychiatric diagnosis: lessons from the DSM-IV past and cautions for the DSM-5 future // Annual Review of Clinical Psychology. 2012. Vol. 8. P. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-032511-143102

10. *Galbusera L., Fellin L.* The intersubjective endeavor of psychopathology research: methodological reflections on a second-person perspective approach // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5:1150. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01150
11. *Gallagher S.* A pattern theory of self // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7:443. DOI: 10.3389/fnhum.2013.00443
12. *Gallagher S.* Direct perception in the intersubjective context // *Consciousness and Cognition*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003
13. *Gallagher S.* In defense of phenomenological approaches to social cognition: interacting with the critics // *Review of Philosophy and Psychology*. 2012. Vol. 3. № 2. P. 187–212. DOI: 10.1007/s13164-011-0080-1
14. *Gallagher S.* Inference or interaction: Social cognition without precursors // *Philosophical Explorations*. 2008. Vol. 11. № 3. P. 162–174. DOI: 10.1080/13869790802239227
15. *Gallagher S.* The practice of mind: theory, simulation or interaction? // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8. № 5-7. P. 83–107.
16. *Gallagher S., Daly A.* Dynamical relations in the self-pattern // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9:664. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00664
17. *Längle A.* Die existentielle Motivation der Person // *Existenzanalyse*. 1992/1999. Vol. 16. № 3. P. 18–29.
18. *Längle A.* Existential analysis psychotherapy // *The International Forum of Logotherapy*. 1990. Vol. 13. № 2. P. 17–19
19. *Mourad A.E.S., Adel M.E.* Defining and determining intellectual disability (intellectual developmental disorder): insights from DSM-5 // *International Journal of Psycho-Educational Sciences*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 51–54.
20. *Newen A.* The embodied self, the pattern theory of self, and the predictive mind // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9:2270. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02270
21. *Newen A.* The person model theory and the question of situatedness of social understanding // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / F. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.25
22. *Newen A.* Understanding others. The person model theory // *Open Mind* / T. Metzinger., J.M. Windt (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 1049–1076. DOI: 10.15502/9783958570320
23. *Newen A., Vogeley K.* Self-representation: Searching for a neural signature of self-consciousness // *Consciousness and Cognition*. 2003. Vol. 12. № 4. P. 529–543. DOI: 10.1016/S1053-8100(03)00080-1
24. *Parnas J., Bovet P.* Research in psychopathology: Epistemologic issues // *Comprehensive Psychiatry*. 1995. Vol. 36. № 3. P. 167–181. DOI: 10.1016/0010-440X(95)90078-A

25. Parnas J., Gallagher S. Phenomenology and the interpretation of psychopathological experience // *Revisioning Psychiatry: Integrating Biological, Clinical and Cultural Perspectives* / L. Kirmayer, R. Lemelson, C. Cummings (eds.). Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2014. P. 65–80. DOI: 10.1017/CBO9781139424745.006
26. Parnas J., Sass L.A., Zahavi D. Rediscovering psychopathology: the epistemology and phenomenology of the psychiatric object // *Schizophrenia Bulletin*. 2012. Vol. 39. № 2. P. 270–277. DOI: 10.1093/schbul/sbs153
27. Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: a refinement and defense of the narrative view // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2007. Vol. 60. P. 155–178. DOI: 10.1017/S1358246107000082
28. Stanghellini G. A hermeneutic framework for psychopathology // *Psychopathology*. 2010. Vol. 43. P. 319–326. DOI: 10.1159/000319401
29. Stanghellini G. The grammar of the psychiatric interview // *Psychopathology*. 2007. Vol. 40. P. 69–74. DOI: 10.1159/000098486
30. Synofzik M., Vosgerau G., Newen A. Beyond the comparator model: a multi-factorial two-step account of agency // *Conscious Cognition*. 2008. Vol. 17. № 1. P. 219–239. DOI: 10.1016/j.concog.2007.03.010
31. Synofzik M., Vosgerau G., Newen A. I move, therefore I am: a new theoretical framework to investigate agency and ownership // *Conscious Cognition*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 411–424. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.008
32. Wiggins O.P., Schwartz M.A. Phenomenology and psychopathology: in search for a method // *One century of Karl Jaspers' general psychopathology* / G. Stanghellini, T. Fuchs (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 16–26. DOI: 10.1093/med/9780199609253.003.0002
33. Williford K., Bennequin D., Friston K. et al. The projective consciousness model and phenomenal selfhood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9:2571. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02571.

References

1. Es'kov V.M., Zinchenko Yu.P., Filatova O.E. K probleme samoorganizatsii v biologii i psikhologii [On the problem of self-organization in biology and psychology]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii=Herald of New Medical Technologies*, 2016, vol. 23, no. 3, pp. 174–181. DOI: 10.12737/21764 (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Es'kov V.M., Zinchenko Yu.P., Filatova O.E. Razvitie psikhologii i psikhofiziologii v aspekte tret'ei paradigmy estestvoznaniya [Development of psychology and psychophysiology in the aspect of the third paradigm of natural science]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii=Herald of New Medical Technologies*, 2016, vol. 23, no. 3, pp. 187–194. DOI: 10.12737/21766 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Es'kov V.M., Zinchenko Yu.P., Filatova O.E. Tret'ya paradigma v meditsine i psikhofiziologii [The third paradigm in medicine and psychophysiology]. *Vestnik novykh*

meditsinskikh tekhnologii=Herald of New Medical Technologies, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 73–79. DOI: 10.12737/20308. (In Russ., abstr. in Engl.)

4. Kuz'mina T.I. K voprosu ob ispol'zovanii kontsepta «Voploshchennoe Ya» v spetsial'noi psikhologii lichnosti [On the question of using the concept "Incarnate Self" in special psychology of personality]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya=Theoretical and Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 92–107. (In Russ.)

5. Kuz'mina T.I. K voprosu o perspektivakh issledovaniya samosoznaniya v spetsial'noi psikhologii [On the prospects of research of self-consciousness in special psychology]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal=Russian Psychological Journal*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 5–16. (In Russ., abstr. in Engl.)

6. Kuz'mina T.I. Psikhologicheskaya diagnostika samosoznaniya lits raznogo vozrasta s intellektual'noi nedostatochnost'yu [Psychological diagnostics of self-awareness of persons of different ages with intellectual disabilities]. Moscow: NKTs, 2016. 192 p. (In Russ.)

7. Nazarova N.M. Spetsial'naya pedagogika na etape smeny nauchnykh paradigm [Special pedagogy at the stage of changing scientific paradigms]. *Defektologiya=Defectology*, 2021, no. 1, pp. 3–14. DOI: 10.47639/0130-3074_2021_1_3 (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Dennett D.C. *Consciousness explained*. London: Penguin Books, 1992. 528 p.

9. Frances A.J., Widiger T. Psychiatric diagnosis: lessons from the DSM-IV past and cautions for the DSM-5 future. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2012, vol. 8, pp. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-032511-143102

10. Galbusera L., Fellin L. The intersubjective endeavor of psychopathology research: methodological reflections on a second-person perspective approach. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5:1150. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01150

11. Gallagher S. A pattern theory of self. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, vol. 7:443. DOI: 10.3389/fnhum.2013.00443

12. Gallagher S. Direct perception in the intersubjective context. *Consciousness and Cognition*, 2008, vol. 17, no. 2, pp. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003

13. Gallagher S. In defense of phenomenological approaches to social cognition: interacting with the critics. *Review of Philosophy and Psychology*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 187–212. DOI: 10.1007/s13164-011-0080-1

14. Gallagher S. Inference or interaction: Social cognition without precursors. *Philosophical Explorations*, 2008, vol. 11, no. 3, pp. 162–174. DOI: 10.1080/13869790802239227

15. Gallagher S. The practice of mind: theory, simulation or interaction? *Journal of Consciousness Studies*, 2001, vol. 8, no. 5-7, pp. 83–107.

16. Gallagher S., Daly A. Dynamical relations in the self-pattern. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9:664. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00664

17. Längle A. Die existentielle Motivation der Person. *Existenzanalyse*, 1992/1999, vol. 16, no. 3, pp. 18–29.

18. Längle A. Existential Analysis Psychotherapy. *The International Forum of Logotherapy*, 1990, vol. 13, no. 2, pp. 17–19.
19. Mourad A.E.S., Adel M.E. Defining and determining intellectual disability (intellectual developmental disorder): insights from DSM-5. *International Journal of Psycho-Educational Sciences*, 2019, vol. 8, no. 1. pp. 51–54.
20. Newen A. The Embodied Self, the Pattern Theory of Self, and the Predictive Mind. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9:2270. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02270
21. Newen A. The person model theory and the question of situatedness of social understanding. In F. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher (eds.), *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.25
22. Newen A. Understanding others. The person model theory. In T. Metzinger., J.M. Windt (eds.), *Open Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015, pp. 1049–1076. DOI: 10.15502/9783958570320
23. Newen A., Vogeley K. Self-representation: Searching for a neural signature of self-consciousness. *Consciousness and Cognition*, 2003, vol. 12, no. 4, pp. 529–543. DOI: 10.1016/S1053-8100(03)00080-1
24. Parnas J., Bovet P. Research in psychopathology: Epistemologic issues. *Comprehensive Psychiatry*, 1995, vol. 36, no. 3, pp. 167–181. DOI: 10.1016/0010-440X(95)90078-A
25. Parnas J., Gallagher S. Phenomenology and the interpretation of psychopathological experience. In L. Kirmayer, R. Lemelson, C. Cummings (eds.), *Revisioning Psychiatry: Integrating Biological, Clinical and Cultural Perspectives*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2014, pp. 65–80. DOI: 10.1017/CBO9781139424745.006
26. Parnas J., Sass L.A., Zahavi D. Rediscovering psychopathology: the epistemology and phenomenology of the psychiatric object. *Schizophrenia Bulletin*, 2012, vol. 39, no. 2, pp. 270–277. DOI: 10.1093/schbul/sbs153
27. Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: a refinement and defense of the narrative view. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2007, vol. 60, pp. 155–178. DOI: 10.1017/S1358246107000082
28. Stanghellini G. A hermeneutic framework for psychopathology. *Psychopathology*, 2010, vol. 43, pp. 319–326. DOI: 10.1159/000319401
29. Stanghellini G. The grammar of the psychiatric interview. *Psychopathology*, 2007, vol. 40, pp. 69–74. DOI: 10.1159/000098486
30. Synofzik M., Vosgerau G., Newen A. Beyond the comparator model: a multi-factorial two-step account of agency. *Conscious Cognition*, 2008, vol. 17, no. 1, pp. 219–239. DOI: 10.1016/j.concog.2007.03.010

31. Synofzik M., Vosgerau G., Newen A. I move, therefore I am: a new theoretical framework to investigate agency and ownership. *Conscious Cognition*, 2008, vol. 17, no. 2, pp. 411–424. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.008

32. Wiggins O.P., Schwartz M.A. Phenomenology and psychopathology: in search for a method. In G. Stanghellini, T. Fuchs (eds.), *One Century of Karl Jaspers' General Psychopathology*. Oxford University Press, 2013, pp. 16–26. DOI: 10.1093/med/9780199609253.003.0002

33. Williford K., Bennequin D., Friston K. et al. The Projective consciousness model and phenomenal Selfhood. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9:2571. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02571.

Приложение 1

Частота встречаемости нарративных репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью (группа «Юноши») в разных семантических кластерах

№ кластера	Кластеры	Эксперты			Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3			
x ₁	Отношения в семье	9	9	8	26	3,5	12,25
x ₂	Отношения с партнером	14	14	13	41	18,5	342,25
x ₃	Работа и профессия	10	8	10	28	5,5	30,25
x ₄	Здоровье	6	6,5	5,5	18	-4,5	20,25
x ₅	Заработок, материальный достаток	3	3	3	9	-13,5	182,25
x ₆	Способность к самостоятельной жизни	12	12	12	36	13,5	182,25
x ₇	Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	2	1	2	5	-17,5	306,25
x ₈	Общественное принятие, признание	4	5	7	16	-6,5	42,25
x ₉	Социальная успешность и уважение со стороны других людей	7	6,5	5,5	19	-3,5	12,25
x ₁₀	Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	5	4	4	13	-9,5	90,25
x ₁₁	Получение новых знаний и развитие себя	8	11	9	28	5,5	30,25
x ₁₂	Личностные качества и их оценка окружающими	13	13	14	40	17,5	306,25
x ₁₃	Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	11	10	11	32	9,5	90,25
x ₁₄	Совместная деятельность с другими людьми	1	2	1	4	-18,5	342,25
	Σ	105	105	105	315		1989,5

Примечание. d — разность суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров; d² — квадрат разности суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров.

Приложение 2

Вес семантических кластеров в структуре нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий в группе «Юноши»

Кластеры	Эксперты			Σ	Вес λ1	Вес λ2
	1	2	3			
Отношения в семье	38	55	66	159	0,060	0,048
Отношения с партнером	0	19	14	33	0,012	0,230
Работа и профессия	32	63	45	140	0,053	0,054
Здоровье	66	75	83	224	0,084	0,034
Заработок, материальный достаток	86	97	104	287	0,108	0,026
Способность к самостоятельной жизни	13	24	27	64	0,024	0,119
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	122	130	134	386	0,145	0,020
Общественное принятие, признание	77	85	72	234	0,088	0,032
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	53	75	83	211	0,080	0,036
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	74	91	99	264	0,099	0,029
Получение новых знаний и развитие себя	46	32	64	142	0,053	0,053
Личностные качества и их оценка окружающими	6	23	5	34	0,013	0,223
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	19	47	32	98	0,037	0,077
Совместная деятельность с другими людьми	135	119	136	390	0,145	0,019
Итого				2666	1	1

Примечание. Σ — сумма рангов семантических кластеров.

Приложение 3

Эмоциональная валентность нарративных репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью (группа «Юноши») в разных семантических кластерах

Кластеры	Эмоция	Эксперты			Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3			
Отношения в семье	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Отношения с партнером	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Работа и профессия	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Здоровье	0	2	2,5	1,5	6	-16,5	272,25
Заработок, материальный достаток	0/+	8,5	2,5	8,5	19,5	-3	9
Способность к самостоятельной жизни	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Общественное принятие, признание	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25

Социальная успешность и уважение со стороны других людей	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	+/-	1	1	1,5	3,5	-19	361
Получение новых знаний и развитие себя	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Личностные качества и их оценка окружающими	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Совместная деятельность с другими людьми	+	8,5	9	8,5	26	3,5	12,25
Σ		105	105	105	315		777

Примечание. d — разность суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров; d² — квадрат разности суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров.

Приложение 4

Частота встречаемости нарративных репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью (группа «Взрослые») в разных семантических кластерах

Кластеры	Эксперты			Сумма рангов	d	d ²
	1	2	3			
Отношения в семье	12	12	12	36	13,5	182,25
Отношения с партнером	11	11	11	33	10,5	110,25
Работа и профессия	5	5	5	15	-7,5	56,25
Здоровье	6	6	6,5	18,5	-4	16
Заработок, материальный достаток	14	13	14	41	18,5	342,25
Способность к самостоятельной жизни	7	8,5	8	23,5	1	1
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	10	10	10	30	7,5	56,25
Общественное принятие, признание	13	14	13	40	17,5	306,25
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	9	7	9	25	2,5	6,25
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	3	3	3	9	-13,5	182,25
Получение новых знаний и развитие себя	1	1	1	3	-19,5	380,25
Личностные качества и их оценка окружающими	2	2	2	6	-16,5	272,25
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	8	8,5	6,5	23	0,5	0,25
Совместная деятельность с другими людьми	4	4	4	12	-10,5	110,25
Σ	105	105	105	315		2022

Примечание. d — разность суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров; d² — квадрат разности суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров.

Приложение 5

Вес семантических кластеров в структуре нарративных Я-репрезентаций социально ориентированных ожиданий в группе «Взрослые»

Кластеры	Эксперты			Σ	Вес λ_1	Вес λ_2
	1	2	3			
Отношения в семье	11	12	14	37	0,028	0,085
Отношения с партнером	13	17	16	46	0,035	0,068
Работа и профессия	39	38	40	117	0,088	0,027
Здоровье	34	37	33	104	0,078	0,030
Заработок, материальный достаток	0	7	1	8	0,006	0,390
Способность к самостоятельной жизни	33	32	30	95	0,072	0,033
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	18	29	19	66	0,050	0,047
Общественное принятие, признание	6	5	7	18	0,014	0,174
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	28	34	25	87	0,066	0,036
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	53	52	52	157	0,118	0,020
Получение новых знаний и развитие себя	60	68	58	186	0,140	0,017
Личностные качества и их оценка окружающими	54	54	56	164	0,123	0,019
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	30	32	33	95	0,071	0,033
Совместная деятельность с другими людьми	49	50	48	147	0,111	0,021
Итого				1327	1	1

Примечание. Σ — сумма рангов семантических кластеров.

Приложение 6

Эмоциональная валентность нарративных репрезентаций социальных ожиданий лиц с легкой умственной отсталостью (группа «Взрослые») в разных семантических кластерах

Кластеры	Эмоция	Эксперты			Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3			
Отношения в семье	+/-	3,5	3	3,5	10	-12,5	156,25
Отношения с партнером	+/-	3,5	3	3,5	10	-12,5	156,25
Работа и профессия	+/-	3,5	3	3,5	10	-12,5	156,25
Здоровье	+/-	3,5	7,5	3,5	14,5	-8	64
Заработок, материальный достаток	+/-	3,5	3	3,5	10	-12,5	156,25
Способность к самостоятельной жизни	0/+	11	7,5	7,5	26	3,5	12,25

Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	+	11	12	11,5	34,5	12	144
Общественное принятие, признание	+	11	12	11,5	34,5	12	144
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	+	11	12	11,5	34,5	12	144
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	+	11	12	11,5	34,5	12	144
Получение новых знаний и развитие себя	0	7	7,5	7,5	22	-0,5	0,25
Личностные качества и их оценка окружающими	+	11	12	11,5	34,5	12	144
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	+/-	3,5	3	11,5	18	-4,5	20,25
Совместная деятельность с другими людьми	0	11	7,5	3,5	22	-0,5	0,25
Σ		105	105	105	315		1442

Примечание. d — разность суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров; d² — квадрат разности суммы рангов семантического кластера и средней суммы рангов всех семантических кластеров.

Приложение 7

Расчет Т-критерия Вилкоксона по частоте репрезентативных упоминаний

Кластер	Юноши	Взрослые	Сдвиг ($t_{взр} - t_{юн}$)	Ранговый номер сдвига
Отношения в семье	159	37	-122	8
Отношения с партнером	33	46	13	2
Работа и профессия	140	117	-23	3
Здоровье	224	104	-120	7
Заработок, материальный достаток	287	8	-279	13
Способность к самостоятельной жизни	64	95	31	4
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	386	66	-320	14
Общественное принятие, признание	234	18	-216	11
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	211	87	-124	9
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	264	157	-107	6
Получение новых знаний и развитие себя	142	186	44	5
Личностные качества и их оценка окружающими	34	164	130	10
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	98	95	-3	1
Совместная деятельность с другими людьми	390	147	-243	12
Сумма рангов нетипичных сдвигов			$T_{эмп}=21, p<0,05$	

Расчет Т-критерия Вилкоксона по изменению эмоциональной валентности семантических кластеров

Кластеры	Юноши	Взрослые	Сдвиг ($t_{взр} - t_{юн}$)	Ранговый номер сдвига
Отношения в семье	0	9	9	13
Отношения с партнером	0	9	9	13
Работа и профессия	0	9	9	13
Здоровье	3	7	4	7,5
Заработок, материальный достаток	1	9	8	11
Способность к самостоятельной жизни	0	2	2	5
Оценка себя и своих действий во взаимоотношениях с людьми	0	0	0	2,5
Общественное принятие, признание	0	0	0	2,5
Социальная успешность и уважение со стороны других людей	0	0	0	2,5
Хобби, привычки, творчество, общение по интересам	7	0	-7	10
Получение новых знаний и развитие себя	0	3	3	6
Личностные качества и их оценка окружающими	0	0	0	2,5
Дружба, любовь, счастье в отношениях с людьми	0	6	6	9
Совместная деятельность с другими людьми	0	4	4	7,5
Сумма рангов нетипичных сдвигов		$T_{эмп}=10$	$p<0,01$	

Информация об авторе

Кузьмина Татьяна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>, e-mail: ta-1@list.ru

Information about the author

Tatyana I. Kuzmina, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of Special Psychology and Rehabilitation, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>, e-mail: ta-1@list.ru

Получена: 12.05.2021

Received: 12.05.2021

Принята в печать: 18.09.2021

Accepted: 18.09.2021